

УДК 930.85

И.Я. Жемчужев*

**РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЕССИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ**

В данной статье исследуется и подвергается всестороннему анализу специфика религиозных взглядов, традиций и обрядов, распространенных в дореволюционной чувашской деревне. Показано уникальное сочетание православного христианства, язычества, ислама и других религий, а также зарождающегося атеизма в дореволюционной чувашской деревне.

Ключевые слова: туры, хирты, вирьял, анатри, анат-енчи, «Братство Святого Гурия», Арщури, Вудыш, ийе, шуйттан, вупыр, Сюльди-Тора, йирих, йомзя, тухатмыш, киреметь, мюдарис, имам.

В дошедших до нас документах этноним «чуваши» впервые упомянут в XVI веке. Ввиду отсутствия более древних источников выдвигались самые разные гипотезы относительно этногенеза чувашей. Их потомками считали хазар, гуннов, бургасов, аваров, шумеров и т. п. Но абсолютное большинство ученых сходилось в мнении о их происхождении от волжских болгар. Чувашский язык, относясь к числу тюркских, отличается большим своеобразием, не входя ни в одну современную их подгруппу, будучи близок болгарскому языку, давно считающемуся мертвым. Следствием длительных этнических контактов является сложный физический тип чувашей. Согласно одному из последних исследований, внешность большинства чувашей представляет собой смешанный европеоидно-монголоидный тип.

Сегодня подавляющее большинство верующих чувашей православные, хотя христианизация чувашей была проведена довольно поздно. Сопротивление ей, наряду с миграцией за пределы границ традиционного проживания, выразилось в переходе части чувашей в ислам и последующем «отатаривании». Этим объясняются низкие темпы прироста населения у чувашей в XVIII–XIX веках в сравнении с другими народами Поволжья. Незначительное число чувашей из «диаспоры» до сих пор сохраняет язычество, называя себя «чан чёваш» («истинные чуваш»).

---

* © Жемчужев И.Я., 2012

Жемчужев Игорь Ярославович (zheig@ya.ru), кафедра отечественной истории и правоведения Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти), 445677, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4.

В домонгольский период чуваша делились на горных (туры) и равнинных (хирты), от которых пошли этнографические группы «вирьял» и «анат енчи». Позже появилась группа «анатри» из числа потомков чувашей-переселенцев. Имеется различие верхнего и нижнего диалектов, хотя разница сводится в основном лишь к «оканью» и «уканью». Более существенны различия в традиционной одежде (особенно женской) у вирьял и анатри. Анат енчи в бытовом отношении близки к анатри, в языковом — к вирьял. Ряд исследователей полагает, что у вирьял и анатри были разные предки (ассимилированные булгарами угро-финны и родственные булгарам сувары). В XVI–XVIII веках вследствие переселенческих процессов ареал компактного проживания чувашей увеличился примерно в три раза. Сегодня крупные чувашские диаспоры имеются во многих регионах Поволжья — в Татарстане и Башкирии, в Ульяновской, Самарской, Оренбургской и других областях.

При возвращении к проблеме о волжско-булгарских корнях чувашей закономерен вопрос: почему в России чувашей никогда не считали мусульманами, хотя известно, что религией Волжской Болгарии был ислам, о чем свидетельствуют многие письменные, археологические и другие источники? А если чуваша — потомки булгар, то куда исчез ислам? Объяснения различны. Одни полагают, что не все булгары, а лишь племя суваз, упорно отстаивавшее язычество, дало начало чувашскому этносу, тогда как остальные булгары, смешавшись с половцами и монголами, дали начало этносу казанских татар. Другие считают, что большинство предков чувашей, живших в Волжской Болгарии, хотя и считались мусульманами, но ислам у них имел сильные позиции лишь среди представителей имущих классов, тогда как для простого народа он был формальностью, от которой в определенных исторических условиях было легко отойти.

Наслоения языческих, исламских и христианских элементов на религиозные воззрения чувашей, имевшие место в различные эпохи, привели к тому, что религиозная картина в чувашских селениях в разных регионах и в разные годы была неоднородна. По данным на 1911 г., среди чувашей официально числилось: православных — 981 338, язычников — 17 734, магометан — 2334, сектантов — 183, старообрядцев — ровно 100 [10, с. 3].

Православие. О первых шагах христианства в землях присоединенного к России Поволжья церковный деятель, этнограф и историк А.Ф. Можаровский в своей магистерской диссертации писал: «Для одержания окончательной победы над Казанью надлежало русским победить иноверцев, инородцев Казанского края, еще нравственно — мечом духовным, иже есть глагол Божий, победить Верою, Христианским Православием» [14, с. 2]. Процесс христианизации поначалу проводился ненасильственно, обратное было бы вряд ли возможно. С.Х. Алишев по этому поводу справедливо заметил: «Фактов насильственного крещения до XVIII века мы не знаем, лишь в 40-х годах указанного столетия начинается массовое крещение чувашей» [1, с. 199–200]. Противоположной точки зрения придерживался П.В. Денисов, хотя весомых аргументов в свою пользу он не привел, сославшись лишь на документ конца XVI века, в котором предписывалось нерадивых новокрещеных «бити, и в железа, и в чепа сажати» [7, с. 171]. Но данный указ касался лишь «отступников», коих было не так много, да и неизвестно, насколько данное предписание было исполнено. В то же время «инородческая» знать за христианизацию подопечных получала различные льготы. И напротив, некрещеным помещикам запрещалось владеть христианами, а имущество помещика-язычника могли наследовать только крещеные родственники. Позже за переход в православие поощряться стали и простые «инородцы» — им полагались деньги и различные подарки [7, с. 187].

В целом со II пол. XVI по 40-е гг. XVIII века деятельность православных миссионеров в чувашской среде была не столь успешной. Формально многие чуваша отошли от язычества, но переход в православие был в значительной степени фикцией. Ни основ культа, ни основ вероучения чуваша не знали и, числясь христианами, продолжали отправлять традиционные культы. Русским языком владели немногие, а читать церковные книги вообще никто не мог. О фиктивности такого православия свидетельствуют многие документы тех лет. Казанский архиепископ Гермоген (будущий патриарх) в 1591 г. писал: «В Казани, и в Казанском, и в Свияжском уездах живут новокрещенные татары с чувашею и с черемисею и с вотяками вместе, и едят, и пьют с ними одново, и к церквям Божиим не приходят, и крестов на себе не носят, и в домах своих Божиим образом и крестов не держат» [14, с. 24]. Митрополит Сильвестр, возглавлявший Казанскую епархию в 1725–1731 гг., отмечал: «Новокрещены в господские праздники и в воскресные дни в церкви Божии с женами и детьми не являлись... Умерших своих хоронили, не призывая священников, сами, без отпевания... по басурманскому обычаю» [20, с. 85–86].

Насильственная христианизация, достигшая наибольшего размаха в правление Елизаветы Петровны, продолжалась недолго. В 1775 г. вышел указ Екатерины II о свободе вероисповедания, после чего принудительное крещение прекратилось. Несмотря на официальное возвращение части чувашей в язычество, процесс этот нельзя считать массовым: к началу XIX века на территории Казанской епархии численность некрещенных чувашей определялась в 2962 человека (1458 мужчин и 1504 женщины) [20, с. 162]. С другой стороны, начинается подготовка священников и миссионеров из числа самих чувашей, хотя численность таковых была еще весьма незначительна. Встает вопрос о переводе богослужебных книг, а следовательно, и о создании на основе кириллицы чувашской письменности. Как и прежде, причины «нетвердости в вере» объясняли именно неграмотностью. Архиепископ Филарет, возглавлявший Казанскую епархию в 1827–1836 гг., сообщал о чувашах следующее: «Мужчины, хотя говорят русским языком, но худо, и то для выражения только необходимых жизненных потребностей, а женщины и дети почти вовсе русского языка не понимают. Отчего, естественно, происходит незнание их в догматах христианской веры и правил православной церкви» [14, с. 152]. И все же сдвиги по сравнению с предыдущим столетием имелись; далее Филарет писал: «Из христианских таинств сохраняют Святое Крещение младенцев и брак. К таинствам покаяния и Святого Причащения прибегают только в случае болезней, угрожающих опасностью смерти» [14, с. 153]. Книги на чувашском языке, написанные русским шрифтом, стали издаваться с начала XIX века, но «переводчики не смогли создать литературы, которая была бы доступна пониманию крестьян» [7, с. 245].

Во II половине XIX века просвещением и христианизацией чувашей уделяется большое внимание; в Казани в 1867 г. было открыто «Братство Святого Гурия», названное в честь первого Казанского епископа, ставшего, по-сути, первым миссионером, в обязанность которому вменялось способствовать христианизации инородцев. Главная задача «братства» формулировалась примерно так: укреплять в христианской вере крещенных инородцев и противодействовать пропаганде среди них ислама. Также «братство» занималось организацией инородческих школ, призванных стать источниками распространения русского языка и православной культуры в инородческой среде. К концу XIX века в таких школах обучалось примерно 1,5 тысячи чувашей, школ же было порядка пятидесяти. Их выпускники становились священниками и учителями, им предписывалось выполнять миссионерские обязанности среди своих земляков. При «Братстве» была образована комиссия, в обязанность которой вменялся перевод русских книг (и не только церковных) на языки «инородцев». Вопросы

просвещения и христианизации чувашей и других народов Поволжья занимались Н.И. Ильминский, Н.И. Золотницкий, И.Я. Яковлев и другие. Ильминский, выпускник Казанской духовной академии, считается создателем системы, основанной на приобщении к православию и к русской культуре чувашей через родной язык и культуру. Он писал: «Мои снаряды – инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий притч церковный со священником во главе» [28, с. 289]. Не все «просветители» были согласны с таким подходом, но именно такой подход получил одобрение свыше. В свое время Ильминский возглавлял упомянутую выше переводческую комиссию при «Братстве Св. Гурия». Н.И. Золотницкий, сын псаломщика из чувашской деревни и выпускник Казанского университета, назначенный в 1867 г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, также разделял позицию своего сослуживца Ильминского. Согласен с ней был и чувашский просветитель И.Я. Яковлев, выходец из простой чувашской семьи, женатый на приемной дочери Ильминского. Как Ильминский, так и Золотницкий, кроме всего прочего, были известны как ученые-востоковеды, этнографы и знатоки языков народов Поволжья. Яковлев же в 1868 г. основал Симбирскую чувашскую школу, которая в 1877 г. сменила название на Центральную чувашскую школу, а в 1890 г. стала учительской.

Если в XVIII веке различия в религиозных представлениях у крещеных чувашей и чувашей-язычников мало чем отличались, то к концу XIX – началу XX века христианство уже твердо укоренилось в сознании большинства чувашей, хотя языческие предрассудки все еще не были полностью изжиты.

Язычество. Язычеству как религии доклассового общества было присуще обожествление сил природы, стихий (огонь, вода, земля), небесных светил (солнце, луна, звезды) и т. д. И это характерно почти для всех языческих религий, не только чувашской. Также язычеству свойственно наличие культов божеств, помогающих в хозяйственной деятельности. Не последнюю роль играл и культ предков, а также душ умерших сородичей.

Как и в язычестве славян, в чувашском язычестве имела место вера в домовых, водяных, леших, оборотней, русалок, ведьм и т. п. Как и русские ведьмы, чувашские ведьмы колдовали, навели порчу, слетались на шабаш, летали голыми на метле и т. п. Чувашские языческие поминки в чем-то напоминали славянскую языческую тризну – сопровождалась прыжками через огонь и т. д. [7, с. 152] Чувашские боги и духи могли быть как добрыми, так и злыми. В почтительном отношении нуждались и те, и другие, равно как те и другие могли наказать за непочтительность. К злым духам относились дух леса Арщури, дух воды Вудыш и др. Просто злой дух назывался «ийе», например дух бани («муньча ийе»). В именах многих злых божеств легко угадываются известные персонажи: Шуйттан (шайтан), Вупыр (упырь) и т. п.

Жертвоприношения огню, воде, домашнему очагу обычно были бескровные, например каша. Божествам же в жертву нередко приносили домашний скот, который по завершении определенного ритуала съедался самими жертвователями. Моления и жертвоприношения были как групповыми (совершались селом), так и семейными (осуществлялись дома). Но обычно это происходило в особых святилищах – киреметях, что располагались в укромных или труднодоступных местах (чаще всего в лесах). Впрочем, слово «киреметь» было многозначным: это мог быть тот или иной святой, заслуживший общественное признание, и злой дух, которого время от времени необходимо «ублажать» жертвоприношениями, и просто святилище.

Культ солнца, характерный для всех древних земледельцев, у чувашей имел особенности. Считалось, что солнце, как живое существо, имеет и части тела (руки, ноги и т. п.), и родственников (мать, сыновей и др.) [9, с. 153–154]. Звезды считались человеческими душами. Появление новой звезды или падение старой означали соот-

ветственно рождение или смерть того или иного человека [13, с. 84]. По мнению Д. Мессароша, верховный бог (Туры), живущий на небе, был женат на Земле, матери всего, что на ней живет, которая также считалась одушевленным существом [13, с. 55]. Однако ни дореволюционные, ни современные исследователи так и не пришли к единому мнению ни относительно иерархии в чувашском язычестве, ни относительно сущности и функций тех или иных божеств. Тут нет ничего удивительного — вряд ли у простых чувашских крестьян имелись четкие и однозначные представления на этот счет. Золотницкий полагал, что «слово Тора у чуваш нашего времени не составляет имени единого, вечного, истинного Бога... оно придается к именам многих небесных и земных божеств» [9, с. 145]. В.А. Сбоев считал, что «Сюльди-Тора есть властитель и распорядитель всего надзвездного, духовного мира, с земным же он общается не иначе как через посредство других небесных богов» [25, с. 102]. В свою очередь, А.Ф. Риттих дискутировал со Сбоевым о схожести чувашского язычества с зороастризмом [23, с. 82–83]. У Золотницкого также имелись расхождения со Сбоевым относительно объяснения сущности чувашского язычества. Например, Сбоев утверждал, что бог Сюдь-тунзы-тора был солнечным богом. Ему возражал Золотницкий, указывая на ошибку в переводе: от глагола «ту» (делать, создавать) нет производной формы «тунзы», а посему правильный перевод будет — «бог здешнего мира», или бог, стоящий ниже верховного бога Сюльди-Туры (который сам земными делами не занимается) [9, с. 154–155].

Нет и однозначного толкования, что такое «йирих». По-Сбоеву, это злой дух, насылающий болезни, и это же — кузов в амбаре, в который складывают кости жертвенных животных [23, с. 22–23, 124–125]. Но, согласно Золотницкому, это просто какой-либо домашний фетиш [9, с. 150]. П.В. Денисов не согласен с М.Я. Сироткиным, полагавшим, что в чувашском язычестве никогда не было профессиональных служителей культа, равно как не было и особых сооружений для отправления этого культа [26, с. 139–140]. Если считать культовыми сооружениями святилища, в которых совершались ритуальные жертвоприношения, то Сироткин, безусловно, ошибался. Но относительно «служителей культа» с ним можно отчасти согласиться. Вопрос в том, можно ли считать чувашских языческих жрецов (йомзей) служителями культа? Да, они читали молитвы во время жертвоприношений, которые сами и осуществляли. Магницкий пишет: «Кроме получения материальных выгод, йомзи в деревне предпочитают всем остальным смертным и их все боятся» [12, с. 15]. П.В. Денисов отмечает: «Позицию сопротивления христианизации йомзи занимали лишь на первом этапе. Вскоре они пришли к выводу, что при сложившейся обстановке им лучше вести двойную игру: использовать в целях своей наживы как языческие верования, так и христианскую религию» [7, с. 109]. Действительно, по мере «наступления» христианства на язычество йомзи меняли тактику. Языческих волнений, подобных тем, что поднимали волхвы в период крещения Руси, чувашские йомзи не организовывали. Об «эволюции» йомзей к середине XIX века Золотницкий писал: «Чувашские йомзи более, чем лица того же звания у других инородцев, утратили свое древнее жреческое значение: нет у них помощников для вызывания добрых и заклинания злых духов, нет особого костюма, в пророческие предсказания... они уже давно не пускаются, так как к предсказаниям подобного рода сами чувашки давно уже не имеют слепого доверия» [9, с. 165]. И в чем же заключались новые функции йомзей? Они были те же, что и у русских знахарей: гадание, любовные привороты-отвороты, защита от порчи и сглаза — все то, что «составляет, как и у русских знахарей, самую доходную статью» [9, с. 165].

В отличие от йомзей, которых уважали, отношение к колдунам и колдуньям (асамщи и тухатмыш) было враждебным. Нередко их избивали, а порой и убивали по

обвинению в насылании порчи (засухи, неурожая, падежа скота и т. п.). Порой жертвами становились невинные люди, подозреваемые в темных делах, хотя некоторые селяне и селянки действительно пытались заниматься черной магией, полагая, что у них это получается.

Указ Екатерины II о свободе вероисповедания подтолкнул к отходу от христианства часть бывших «новообращенных». По данным Казанской консистории от 1829 г., желание вернуться в язычество к тому времени изъявили 18 6219 человек в Казанской губернии и 47 281 — в Симбирской [14, с. 151–152]. И хотя сюда включены не только чуваша (но и мордва, мари, черемисы, вотяки), цифры представляются внушительными. Подавляющее большинство язычников-чувашей принадлежало к этнографическим группам «анатри» и «анат-енчи», проживавшим преимущественно в Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях. Среди представителей группы «вирьял» язычников почти не было [16, с. 219]. В то же время пережитки язычества присутствовали в быту многих, считавшихся православными. По утверждению Н.И. Золотницкого, языческие предрассудки продолжали иметь хождение и в его время (в данном случае — в 1871 г.) — киремети все еще посещались, в домах у многих чувашей все еще имелись деревянные идолы [9, с. 151]. По данным на 1911 г., среди чувашей официально числилось язычниками около 2 %, хотя наверняка число таковых было гораздо больше.

Ислам. Со времен Волжской Болгарии так повелось, что не только ее мусульманское население, но и язычники поклонялись захоронениям шейхов и ханов, совершали паломничество к священным для мусульман местам (в рамках своего края) [24, с. 195]. Например, одним из объектов поклонения было захоронение болгарского шейха Валем-хуши (Маалюм — ходжи), которого Ашмарин отнес к категории языческих чувашских божеств [2, с. 20]. По его мнению, «Культ киреметей (о которых речь шла выше) возник у чувашей из почитания умерших, слившегося впоследствии с культом мусульманских святых», о чем косвенно свидетельствуют имена некоторых киреметей — Султан, Иш-Пылат и т. д. [3, вып. VI, с. 237] «Имена некоторых представителей чувашских, которые от всей горной стороны били челом Грозному, свидетельствуют, что магометанская религия между ними имела своих последователей», — пишет Г.И. Перетяткович [19, с. 122]. О том же писал Никольский, ссылаясь на К. Насырова: «Во время Казанского ханства некоторые из чуваш приняли ислам» [17, с. 4].

На пережитки ислама, оставшиеся от Волжской Болгарии, указывает ряд фактов. В имени божества Пихамбара узнается персидское слово «пейгамбар» (пророк). В слове «киреметь» Ашмарин обнаружил сходство с арабским словом «карамат» (благодать) и т. п. [2, с. 119–120] Посаженная мать на чувашской свадьбе называлась «хыйматлых» (у татар — «кыяматлык»). Золотницкий вывел это слово от арабо-мусульманского «киямат» (воскрешение в день страшного суда), а смысловую связь объясняет так: посаженная мать — это «друг на веки» [9, с. 140]. Как и у мусульман, у чувашей-язычников существовали смотрители киреметей и прочих святилищ, именовавшиеся «мочауры». Скорое всего, это искаженное на чувашский лад арабо-мусульманское слово «музафир» или «моджавир» — смотритель, живущий при гробнице святого [4, с. 270]. У чувашей-анатри был распространен запрет на свинину; И.-Г. Георги писал: «Чуваши гнушаются свининой, и сие переняли от татар» [6, с. 36].

По мнению П.В. Денисова, «значительная часть чувашского населения, обитавшая в районах левобережья Волги, Прикамья, а отчасти и на правобережье Волги, была вынуждена принять ислам. Принятие ислама, а также усвоение чувашами татарского языка привели к тому, что не только феодальная знать... но и сельское население постепенно отатаривалось» [7, с. 82]. Следовательно, становясь мусульманами, чувашаи постепенно теряли этническую самоидентичность, вливаясь в массы татарского

народа. В этом случае определить численность «отатарившихся» чувашей не представляется возможным. По мнению того же Денисова, «в XVII веке чуваш, перешедших в мусульманство, было не меньше, чем чуваш, принявших православие, а в тех местах, где они жили совместно с татарами, даже и больше» [7, с. 173].

«Реабилитация» ислама, имевшая место при Екатерине II, вызвала новую волну «отатаривания». Как и прежде, нередко были случаи перехода в ислам как своеобразная форма протеста против «русской» власти, при этом важным фактором было близкое соседство с татарскими селениями. Подобные явления продолжались и в XIX веке. Казанский вице-губернатор Е.А. Розов в 1866 г. сообщал в МВД следующее: «Жители Тетюшского уезда деревень Кукшума (43 домохозяйства), Белой Воложки (50 домохозяйств) и Утеевой (24 домохозяйства), все без исключения природные чуваша, просвещенные некогда Святым Крещением, заявили как отступающие татары, со всею татарской наружностью и с таким же упорным стремлением к магометанству, как и настоящие крещеные татары-отступники» [28, с. 131–132].

В то же время к началу XX века среди чувашей численность мусульман (не успевших «отатариться») была ничтожно мала. По данным на 1911 г. распределение чувашей-мусульман по губерниям выглядело так: Уфимская – 702, Самарская – 574, Симбирская – 483, Пензенская – 305, Саратовская – 187, Казанская – 83 человека. Всего – 2334 человека [10, с. 3]. При этом почти все они представляли группу «анатри».

Старообрядчество и сектантство. И то, и другое направление было заимствовано чувашами у русских, причем пришло не «сверху», а «снизу», не в соответствии с политикой государства, а вопреки ей. Если у русских имелись селения, жители которых поголовно являлись старообрядцами или сектантами, то у чувашей подобного не было. Все 183 сектанта и все 100 старообрядцев, официально зафиксированных на 1911 г., – это чувашские жители русских старообрядческих или сектантских селений, работавшие по найму у богатых селян. Нанимаясь на временную работу, чуваша через некоторое время могли возвратиться в свои селения, будучи уже «зараженными» новой «верой». По мнению Н.В. Никольского, сектантство среди чувашей – явление новое, получившее распространение только в среде русскоязычных чувашей [16, с. 220]. Описывая ситуацию в Буинском уезде, Н.Я. Яковлев отмечал: «В этом уезде раскольническое давление особенно давало себя знать в чувашских селениях Асанове, Большом Буянове и других. Этому отчасти способствовало и то обстоятельство, что чуваша нанимались к раскольникам в рабочие» [7, с. 27]. При этом П.В. Денисов убежден, что численность сектантов и старообрядцев среди чувашей была значительно больше той, что приводила официальная статистика (как и в случае с язычниками или магометанами).

Атеизм. Хотя к началу XX века число чувашей, считавших себя атеистами, было очень мало, таковые все же имелись. Как правило, это были люди, так или иначе связанные с политикой, причем «левого» толка. В начале XX века на селе активизируется революционное движение, следствием которого стало снижение религиозности крестьян. Денисов (как и И.Д. Кузнецов, на которого он ссылается) пытается убедить, что крестьяне по своей инициативе составляли различные требования и воззвания, адресованные властям, церкви, депутатам госдум с требованиями «отделения церкви от государства», «изъятия церковного имущества» и т. п. [15, с. 288–290] Маловероятно, что такого рода документы составлялись без участия «доброжелателей». Были описаны случаи хищения церковных ценностей и грабежа служителей церкви [22, с. 150–152]. Издававшаяся на чувашском языке газета «Хыпар» («Известия») вела атеистическую и антицерковную пропаганду через популяризацию взглядов «прогрессивных» людей из числа революционно настроенных атеистов. Газета

продвигала идею отделения школы от церкви и государства, выступала за закрытие церковно-приходских школ. Вот одна из типичных цитат: «Попы — ненавистники просвещения, враги народного счастья... Нашу газету ненавидят урядники и становые. А попы, значит, играют роль лакеев урядника» [27]. Л.Г. Шатунова считает, что даже при специфическом, полуязыческом отношении к иконам их статус в чувашской деревне к XX веку пошатнулся: «Интерес к иконам начал падать, начался процесс постепенного изживания культа икон в условиях революционного подъема» [11, с. 75]. П.В. Денисов, отмечая «успехи» в сфере борьбы с религиозным мировоззрением, имевшие место на рубеже XIX — XX веков, в то же время косвенно признает скромность результатов этой борьбы: «Вера... имеющая глубоко архаический характер, цепко держалась в быту дореволюционной деревни» [7, с. 117].

Таким образом, даже к началу XX века религиозная ситуация в чувашской деревне была довольно сложной и запутанной. Примером тому служит свидетельство В.К. Магницкого, который, ссылаясь на Золотницкого, пишет, что жители ряда сел, считающихся мещеряцкими, «говорят по-татарски, но костюмируются по-чувашски и, числясь крещеными, выполняют все языческие религиозные чувашские обряды» [12, с. 246].

Библиографический список

1. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья (XVI — начало XIX вв.). М., 1990.
2. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. I—XVII. М.; Чебоксары, 1910—1950.
4. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. II. Симбирск, 1923.
5. Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск, 1897.
6. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. СПб., 1755.
7. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.
8. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972.
9. Золотницкий Н.В. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.
10. Инородческое обозрение (приложение к журналу «Православный собеседник»). Кн. I. Казань, 1913.
11. История христианизации народов Среднего Поволжья: межвуз. сб. науч. тр. Чебоксары, 1988.
12. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
13. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Будапешт, 1909.
14. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. Казань, 1876.
15. Национальное движение в первой революции в России: сборник документов из архива бывшего Департамента полиции / подгот. к печати И.Д. Кузнецовым. Чебоксары, 1935.
16. Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках // ИОАИЭ (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете). Т. XXVIII. Вып. 1—3. Казань, 1912.

17. Никольский Н.В. Народное образование у чуваш. Казань, 1906.
18. Никольский Н.В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1929.
19. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках: очерк из истории края и его колонизации. Казань, 1877.
20. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882.
21. Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903.
22. Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции. 1905–1907 гг. Документы и материалы. Чебоксары, 1956.
23. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. II. Казань, 1870.
24. Романов Н.Р. Культ киремета у чуваш // О дореволюционной культуре чувашского народа. Чебоксары, 1957.
25. Сбоев В.А. Исследование об инородцах Казанской губернии: заметки о чувашах. Казань, 1856.
26. Сироткин М.Я. Дописьменная культура чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. I. Чебоксары, 1958.
27. Хыпар. 1906. № 41 (15 октября).
28. Чичерина С.В. О приволжских инородцах и современном значении системы Н.И. Ильминского. СПб., 1906.

I.Y. Zhemchuev*

RELIGIOUS CONFESSIONS IN THE ORDINARY CULTURE OF A CHUVASH COUNTRY BEFORE THE OCTOBER REVOLUTION

This article contains an investigation and an all-round analysis of peculiarities of religious views, traditions and rituals which were wide-spread in Chuvash villages before the October Revolution. The exceptional combination of an Orthodox Christianity, paganism, islam and another religions and also an atheism in a Chuvash country before the October Revolution is shown.

Key words: toury, khirty, virrial, anatry, anat-enchy, «Brotherhood of St.Goory», Arschoury, Voudish, iye, shuittan, voupir, Suldi-Tora, iyrih, iyomzia, tukhatmysh, khirremet, mudaris, imam.

---

* *Zhemtshchuev Igor Yaroslavovich* (zheig@ya.ru), the Dept. of National History and Science of Law, Volga Region State University of Service, Tolyatti, 445037, Russian Federation.